

В.И. ЖУРАВЛЕВА

РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 годов В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНСКИХ “ДЖЕНТЛЬМЕНОВ-СОЦИАЛИСТОВ”

«Когда я сейчас читаю писания американцев о советской России, я часто сожалею о том, что их не было со мной той зимой 1905 г. в преддверии шторма. Так много из приписываемого Советам и хорошего, и плохого, и того, что определяет их слабость, и того, что объясняет их силу, связано не с большевизмом, а со славянством. И все, присущее славянину, было сконцентрировано и наиболее ярко представлено в старой Москве. Наполовину восточная раса, в то же время отчасти и северная вследствие холодного климата. Люди медлительные, отчаявшиеся, погруженные в себя, беспредельные в своей жестокости и в то же время привлекательные в своем доброжелательном отношении к иностранцам, непрактичные и дезорганизованные... Здесь обитала “таинственная душа славянина”¹, – так, оказавшись в Москве в 1940 г. журналист Э. Пуль, совершивший в 1905 г. полное приключений путешествие в охваченную революцией Российскую империю, выразил, сам того не желая, идею преемственности мифов и стереотипов восприятия России американцами.

Но это было позже. А тогда, на заре Первой русской революции, начинающий журналист, успевший приобрести определенный опыт работы в макрекерских журналах, примыкал к “джентльменам-социалистам” У. Уоллингу, А. Балларду, К. Дарланду и был вдохновлен масштабами и значением революционной драмы, разворачивавшейся на сцене русской истории. Один за другим эти молодые американцы поспешили к берегам далекой России, чтобы стать очевидцами подлинной, с их точки зрения, революции – социальной и, как замечал Уоллинг, найти в самопожертвовании русских революционеров источник вдохновения для деятельности американских социалистов.

“Джентльмены-социалисты” приняли участие в творении радикального дискурса о России. Он отличался и от либерально-универсалистского, и от консервативного, и от русофильского с характерными для них репертуарами смыслов, структурами оппозиций, образами русского “другого” вообще и русской революции в частности. В первом случае формировался либерально-оптимистический миф о способности русского народа при помощи из-за океана создать “Соединенные Штаты России”, о силе русских либералов, готовых возглавить революцию и направить ее в конструктивное русло, о противостоянии стремившегося к вестернизации общества и ксенофобствующего, ретроградного правительства. Во втором – консервативно-пессимистический миф о неготовности русских к самоуправлению вследствие неизменных особенностей национального характера, об “извечной Руси”, противопоставившей Западу и представлявшей для него угрозу вследствие реализации особого пути развития, о деструктивном характере русской революции, быстро превратившейся в “бунт бессмысленный и беспощадный”; в третьем – русофильский миф об органичной связи царя и народа, о необходимости

Журавлева Виктория Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики и международных отношений, руководитель научно-образовательной программы по американистике Российского государственного гуманитарного университета.

¹ *Poole E. The Bridge. My Own Story. New York, 1940, p. 147–148.*

постепенных реформ сверху во имя сохранения “русской души”, уникальной русской культуры, ставшей порождением специфических условий развития².

В советской историографии традиционно уделялось особое внимание характеристике взглядов представителей американского социалистического движения в период революции 1905–1907 гг., причем не реформаторского, а леворадикального толка, деятельности “сознательной части рабочего класса”, а также клеймилась “буржуазная пресса, вставшая на сторону царизма”³.

Однако не позиция американских радикалов стала определяющей в оценках русской революции в США. Поэтому американские исследователи Томпсон и Харт⁴, критикуемые советскими историками за их нежелание рассматривать события 1905–1907 гг. как важный этап революции, ближе к истине, поскольку они апеллировали к преобладавшим в американском обществе настроениям.

Если говорить о “джентльменах-социалистах”, которых советские историки считали наиболее объективными наблюдателями революционных событий, то не стоит забывать о том, что их видение также отличалось от реальности, способствуя мифологизации образа России и русской революции.

АМЕРИКАНСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ И РУССКИЕ РАДИКАЛЫ

У. Уоллинга, А. Балларда, К. Дарланда, Э. Пуля называли “джентльменами-социалистами”, поскольку эти молодые люди из обеспеченных семей, получившие образование в Гарварде и Принстоне, были объединены верой в социализм. По той же причине они стали работать в первом в США социальном центре (University Settlement House), созданном в 1886 г. в Нью-Йорке на Манхэттене (Нижний Ист-сайд).

Практически сразу основным направлением деятельности центра стало содействие переселенцам из Восточной Европы, поскольку именно они оказались жителями нью-йоркских трущоб. Вдохновленные мечтами о более совершенном социальном устройстве, чему способствовало и знакомство с произведениями Л.Н. Толстого, молодые люди стремились из первых рук узнать о жизни рабочих и иммигрантов, униженных и обездоленных.

Вскоре движение за создание социальных центров-поселений (settlement house movement), которое возглавляли уважаемые американки, ставшие социальными работниками в нищих кварталах крупных городов, влилось в общее движение за прогрессивные реформы в США. Оно сыграло важную роль в подготовке и реализации социальных мероприятий, направленных на обустройство жизни городских трущоб, на социализацию представителей рабочего класса и иммигрантов, на адаптацию первых к новым условиям жизни, вызванным индустриализацией и урбанизацией, а вторых к инокультурной среде, на сглаживание социальной напряженности между богатыми и бедными, иммигрантами и американцами в то время, когда в американском обществе впервые совершенно отчетливо прозвучал “вызов снизу” и развернулась борьба между противниками и сторонниками “новой иммиграции”. Дж. Адамс, создавшая в 1889 г. в Чикаго один из самых известных в США социальных центров, и Л. Уолд,

² Подробнее об этом см.: Журавлева В.И. Конструирование образа русского “Другого” в консервативной идеологии США. – Консервативная традиция в американском обществе. Истоки, эволюция, современное состояние. М., 2006, с. 287–308; *её же*. Любить и познавать Россию: русофильский дискурс в США. – 200 лет российско-американских отношений: наука и образование. М., 2007, с. 48–64; *её же*. Свет американской свободы и “Империя Тьмы”: образ России в контексте мессианской идеи в США. – Новый исторический вестник, 2008, № 1(17), с. 63–75.

³ Трубаров А.А. Прогрессивные силы США и русская революция 1905 г. – Борьба прогрессивных сил с буржуазными идеологическими концепциями политики США в XX в. М., 1982, с. 35, 60–63; Ганелин Р.Ш. Революционное движение в России и Соединенные Штаты Америки 1905 – март 1917 гг. – Современная историография экспансионизма США XIX – нач. XX в. М., 1985, с. 152–159, 161–163.

⁴ Thompson A.W., Hart R.A. The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905. Amherst, 1970.

возглавлявшая подобный центр в Нью-Йорке, приняли участие в судьбе русско-еврейских эмигрантов, врачую их тела и души, отстаивая их право на въезд в США и принимая их в своих социальных центрах-поселениях. В начале XX в. они активно включились в “движение друзей русской свободы”⁵.

“Джентльмены-социалисты” проводили свободные вечера в маленьких кафе Нижнего Ист-сайда, своеобразный “плавильный котел” идей и теорий, где собирались выходцы из России, Австро-Венгрии и Германии, социалисты и анархисты, доктора и журналисты, актеры и музыканты, сторонники свободной любви и просто вольнодумцы. Вместе со своим другом русско-еврейским эмигрантом А. Каганом, оказавшим заметное влияние на развитие рабочего движения в США, они посещали еврейский театр, засиживались в редакции его социалистической газеты “Вперед” (Forward), выходявшей на идише. Под его влиянием они проникались идеями социального переустройства общества⁶. А еще они с упоением внимали речам российских революционеров радикальных взглядов, посещавших США с пропагандистскими целями накануне Первой русской революции.

В то время, когда на страницах американской прессы развернулась своеобразная “имиджевая война” против огромной отсталой России, терпящей поражение от маленькой модернизированной Японии⁷, Нижний Ист-сайд Нью-Йорка бурлил, предвкушая революционный взрыв в Российской империи. “Тред-юнионисты, социалисты и анархисты, забыв о политических разногласиях, сосредоточились на том, как помочь жертвам политического режима. Организовывались митинги и собирались средства для оказания поддержки тем, кто находился в ссылке и тюрьме”⁸, – писала русско-еврейская эмигрантка Э. Голдман, известная анархистка и феминистка, в свое время принимавшая участие в покушении на миллионера Г.К. Фрика.

В такой ситуации трудно было найти лучшего визитера-пропагандиста, чем “бабушка русской революции” Е.К. Брешко-Брешковская, прибывшая в США в декабре 1904 г. с целью сбора средств на нужды социалистов-революционеров. Знакомство с этой мужественной и харизматичной женщиной, проведшей большую часть своей жизни в тюрьмах и ссылке и ставшей настоящим символом борьбы за свободу в России, произвело неизгладимое впечатление на “джентльменов-социалистов”, реально повлияв на их решение отправиться за океан в поисках смысла русской революции.

Приезд Брешко-Брешковской способствовал возникновению нью-йоркского отделения Американского общества друзей русской свободы (АОДРС). Оно наряду с бостонским, созданным в начале 1904 г., стало ведущим центром вновь набиравшего темпы “крестового похода” американцев за создание Свободной России. Это движение было инициировано еще в конце XIX в. российскими политэмигрантами, а также Дж. Кеннаном, который, вернувшись из поездки по Сибири, тиражировал на Западе не лишенный гиперболизации образ России-тюрьмы, где томятся вестернизированные русские революционеры, представители религиозных и национальных меньшинств⁹. Кстати, первое представление Брешковской американской читающей публике состоялось именно бла-

⁵ *Addams J. Twenty Years at Hull House with Autobiographical Notes. New York, 1910; Wald L. The House on Henry Street. New York, 1915.*

⁶ Подробнее см.: *Мэллой-мл. Дж. Уильям Уоллинг и его собратья “джентльмены-социалисты”*. – США: экономика, политика, идеология, 1995, № 3, с. 50–59; *William English Walling. A Symposium. New York, 1938, p. 25, 39; Poole E. Op. cit., p. 74–75, 103–112.*

⁷ Подробнее см.: *Журавлева В.И. “Давид против Голиафа”: образ России в американской политической карикатуре периода Русско-японской войны*. – США и Канада: экономика – политика – культура, 2007, № 10, с. 66–84.

⁸ *Goldman E. Living My Life, 2 v. New York, 1970, v. 1, p. 330.*

⁹ Пик первой волны “крестового похода” приходится на движение против конвенции о взаимной выдаче преступников 1887–1893 гг. В 1891 г. при непосредственном участии приехавшего в США русского революционера С.М. Степняка-Кравчинского в Бостоне было создано первое Американское общество друзей русской свободы, просуществовавшее до 1894 г. и с 1891 по 1894 гг. выпускавшее американское издание журнала “Free Russia”.

годаря Кеннану. Он встретил ее в Богом забытом бурятском поселке Селенгинск и тогда же записал: “Все мои представления о мужестве, стойкости, героическом самопожертвовании изменились раз и навсегда, и изменились под влиянием этой женщины”¹⁰.

Подготовкой визита Брешко-Брешковской занималась Э. Голдман, действовавшая под вымышленным именем Смит при посредничестве Э.С. Блэквелл, активной участницы антиимпериалистического движения, сторонницы прав цветного населения, активистки унитарной организации борьбы за социальную справедливость, феминистки и редактора “Женского журнала” (*Woman’s Journal*). Блэквелл, входившая в круг “друзей русской свободы” в США, осуществляла своеобразную связь между уважаемыми американцами реформаторских взглядов и радикальными политическими группами. Для организации лекционного турне Брешко-Брешковской Блэквелл использовала связи сенатора У.Д. Фулька, президента бостонского АОДРС, автора книги “Славянин или сакс” и друга Т. Рузвельта, и сумела объединить сторонников дела русской свободы в Нью-Йорке¹¹.

Так возникло нью-йоркское Общество друзей русской свободы, учредившее специальный исполнительный комитет в связи с визитом “бабушки”¹². Его президентом стал священник М.Д. Сэджвик, а обязанности казначея общества выполнял “джентльмен-социалист” А. Баллард, оказавший Брешко-Брешковской неоценимую помощь при сборе пожертвований.

Успеху визита Брешковской (ей удалось собрать 10 тыс. долл.) способствовали события “кровавого воскресенья”, а также то, что ей протезировали уважаемые американцы.

Выступая на многотысячных митингах в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне и Чикаго, в клубах, колледжах и на частных приемах, Брешко-Брешковская убеждала слушателей в неизбежности русской революции, призывая оказать ей моральную и материальную помощь. Она не сосредотачивала внимание на террористических методах партии эсеров и программе крестьянского восстания. Подобно Степняку-Кравчинскому обходила тему политического убийства и радикальной революции, рассуждая о борьбе за гражданские права и свободы, о передаче земли в собственность народа, о крестьянах, стремившихся принимать участие в деятельности земств. Она будоражила сознание американцев образом “кеннановской России”, страны-тюрьмы для борцов против деспотизма и произвола. И неустанно повторяла, что русский народ сможет разумно воспользоваться свободой, идет к своей социальной революции, нацеленной на установление демократического правления, и сейчас, как никогда, ждет помощи из-за океана¹³.

Подозревали ли американские уважаемые друзья Брешко-Брешковской, что собранные ей деньги могут пойти на закупку бомб и другого оружия для осуществления политического террора? Пожалуй, да. По крайней мере, Фульк подозревал. По его более позднему признанию, он испытывал тревогу, не понимая речи выступавших на идише и польском, но догадываясь об их содержании¹⁴. Однако американцы-реформаторы предпочитали закрывать глаза на методы борьбы русских радикалов, вдохновленные перспективами либерализации России.

¹⁰ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки, в 2-х т. СПб., 1999, т. 2, с. 90.

¹¹ The Boston Transcript, 7.III.1904. О деятельности Э. Блэквелл см.: *Smith Sh.L. From Relief to Revolution: American Women and the Russian-American Relationship, 1890–1917.* – *Diplomatic History*, 1995, v. 19, Fall, № 4, p. 607–616.

¹² В связи с приездом Брешко-Брешковской были также созданы общества в Чикаго, Филадельфии, Вашингтоне и Провиденсе: *Blackwell A.S. The Friends of Russian Freedom in America.* – *Free Russia*, 1906, April, p. 10.

¹³ *Blackwell A.S. Welcome to a Russian Woman.* – *Woman’s Journal*, 1904, v. 35, December, p. 401; *Goldman E. Op. cit.*, v. 1, p. 362; *The Providence Journal*, 23.II.1905; *The Little Grandmother of the Russian Revolution. Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky.* Boston, 1919, p. 111–119, 215–218; *Good J.E. Strangers in a Strange Land. Five Russian Radicals Visit the United States 1890–1908.* Ph. D. Dissertation. Washington, 1979, p. 156–158, 163–169.

¹⁴ *Foulke W.D. A Hoosier Autobiography.* New York, 1922, p. 97.

Для У. Уоллинга, А. Балларда, Э. Пуля, К. Дарланда “бабушка” становилась живым воплощением того, как человек из обеспеченной семьи может отдать все свои силы и средства служению обществу, как русские женщины не просто борются за равноправие с мужчинами, а готовы принести свою жизнь на алтарь свободы. В свою очередь, активистки движения за создание социальных центров-поселений Л. Уолд, Дж. Адамс, Э. Дадли не просто примкнули к “движению друзей русской свободы”, но и стали близкими подругами “бабушки” так же, как и И. Бэрроуз, журналистка реформаторского толка, заместитель редактора газеты “Кристиан реджистер”. Она помогала Брешковской с переводами и расширяла круг ее знакомств, в том числе устроив в своем доме встречу с “джентльменом-социалистом” Баллардом¹⁵.

Последствиями Нью-йоркского отделения АОДРС расширило масштабы своей деятельности, превратившись в один из ведущих американских центров движения за демократизацию России.

Самым радикальным АОДРС оказалось калифорнийское, в деятельности которого принимали активное участие Джек Лондон и Анна Струнски. Оно издавало журнал “Рашен ревью”, призванный “способствовать взаимному сближению между всеми друзьями русской свободы в Америке”¹⁶.

Таким образом, в связи с началом Первой русской революции в “движение друзей русской свободы” в США с характерным для него либеральным универсализмом активно включились американские социалисты, в том числе и “джентльмены-социалисты”, а также русские эмигранты от социалистов различных оттенков до анархистов, формировавшие радикальный дискурс о России. Они не искали аналогий между русской революцией, с одной стороны, американской и французской революциями XVIII в. – с другой, рассматривая первую как беспрецедентную и вдохновляющую для сторонников обновления общества в самих Соединенных Штатах.

Среди тех, кто формировал романтический образ русской революции в его либерально-радикальной версии, оказались приезжавшие в США из-за океана политические визитеры либеральных и радикальных взглядов. Причем, если П.Н. Милюков, читавший в 1903–1905 гг. лекции в Чикаго и Бостоне и олицетворявший столь дорогой американцам тип революционера западного стиля, говорил о либерализме и политической революции в силу своих убеждений, то Брешко-Брешковская подобно Степняку-Кравчинскому до нее сознательно затушевывала различия в методах, подчеркивая общность целей либералов и социалистов. Она была откровенна лишь во время своих выступлений в нью-йоркском Ист-сайте среди русских эмигрантов или встреч с американскими анархистами и социалистами.

В итоге и Милюков, и Брешковская в одинаковой степени способствовали творению романтического мифа о русской революции о том, что ее главной целью является создание “Соединенных Штатов России” и повторение опыта американцев. Это подпитывало мессианские настроения последних и их ложные иллюзии. Вот почему столь неожиданными для американских наблюдателей оказались метаморфозы борьбы за свободу в ходе Первой русской революции (стачки, забастовки, мятежи в армии и на флоте, еврейские погромы и крестьянские бунты, а также многочисленные террористические акты) и столь горьким разочарование в ее делателях, не сумевших выдержать тест на способность совершить революцию подлинную, с точки зрения большинства граждан Североамериканской республики¹⁷.

¹⁵ The Little Grandmother of the Russian Revolution, p. 125–129.

¹⁶ Дж. Маиевский – Н.И. Стоуну, 20 мая 1905 г. – The Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, Boris I. Nicolaevsky Collection, Series 242, Naum I. Stone, Box 432.

¹⁷ О восприятии русской революции в США см.: Журавлева В.И. Предел допустимого в революции: 1905 г. в России в восприятии американцев. – Русское открытие Америки. М., 2002, с. 292–302; *её же*. Образ русской революции в американской политической карикатуристике. – Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность. М., 2007, с. 157–186.

“Джентльмены-социалисты” оказались в рядах тех, кто продолжал вдохновляться русской революцией и тогда, когда к концу 1905 г. в американском обществе возобладали пессимизм в оценках ее итогов, поскольку русские перешли предел допустимого в революции, превратившейся в “бунт бессмысленный и беспощадный”.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОИСКАХ СМЫСЛА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первым за океан отправился Пуль. В феврале 1905 г. он уехал в Россию в качестве специального корреспондента журнала “Аутлук”, при нем были не только рекомендательные письма, но и деньги для русских революционеров, переданные ему в США, Париже и Берлине.

Два месяца вместе с переводчиком Тарасовым молодой американец путешествовал по революционной России под видом то торговца обувью, то самого С. Маккормика¹⁸. В Петербурге Пуль беседовал со студентами и фабричными рабочими, в деревнях с крестьянами, затем в Москве собирал материал по рабочему движению, после чего совершил поездку по Украине и по охваченному восстанием Кавказу, где встречался с националистами и представителями партизанского движения, решившими, как ему казалось, шагнуть “из Средних веков в современную революцию”. Результатом его “чарующего приключения в дикой, странной и таинственной России”, стало 14 журнальных статей, большая часть которых представляла рассказ от первого лица тех, кого он интервьюировал. Создавая романтический образ русской революции как борьбы русского народа против самодержавия, Пуль в своем идеализме не делал различий между социалистами-революционерами и социал-демократами. Следуя мессианскому порыву, он полагал, что американские реформаторы должны ехать в Россию с целью “ускорить процесс ее обновления” и вносил свою лепту в общеамериканское увлечение русской революцией в первой половине 1905 г.¹⁹

Параллельно другой “джентльмен-социалист” А. Баллард, еще находившийся в США, начал формировать образ крестьянской революции, рассуждая о социалистах-революционерах как о наиболее жизнеспособной и революционной партии, при этом он подчеркивал, что, несмотря на слабость либералов, их требование свободы слова, прессы и представительного правления разделяет большая часть общества. Следующей по значимости партий после социалистов-революционеров он называл социал-демократов, акцентируя внимание на “ист-сайдовском эхе” деятельности этих партий²⁰.

Баллард и Уоллинг отправились в Российскую империю осенью 1905 г. в качестве корреспондентов журналов “Индепендент”, “Атлантик мансли”, “Американ воркмен”, “Колльерс” и “Харперс викли”. Дарланд присоединился к ним в 1906 г.

Уильям Инглиш Уоллинг, самый известный и авторитетный американский журналист, писавший о революции 1905 г., во время своих трех путешествий в Россию проинтервьюировал сотни людей, встречался с представителями различных политических взглядов (от крайних реакционеров до террористов), написал дюжину статей для американских периодических изданий, помогал журналистской работе Балларда и Дарланда и инициировал поездки делателей русской революции в США (например, визит Максима Горького). Он, подобно Кеннану, тоже осуществлял свой персональный “крестовый поход” за дело русской свободы. Уоллинг, по свидетельству Струнски, “планировал создать и финансировать небольшую группу писателей, которые могли бы объяснить смысл революции англо-саксонскому миру”²¹.

¹⁸ Воспользовавшись тем, что у Пуля было рекомендательное письмо от посла Р.С. Маккормика, его переводчик зачастую представлял американца русским чиновникам, не знавшим английского языка, как самого С. Маккормика, жатки которого были широко известны в России.

¹⁹ *Poole E.* Op. cit., p. 65, 113–115, 124–125, 128–166, 171; *Keefer T.F.* Ernest Poole. New York, 1966, p. 33–34. См., например, статьи Пуля: *Outlook*, 1905, v. 79, March, p. 681–690; April, p. 989–993; v. 80, May, 113–118; v. 81, November, p. 653–661.

²⁰ *Bullard A.* The St. Petersburg Massacre and the Russian East Side. – *Independent*, 1905, v. 58, February, p. 252–253.

²¹ William English Walling. A Symposium, p. 10, 40–41.

Дарланд и Уоллинг призывали американцев внести реальный вклад в борьбу за свободную Россию путем организации общенациональной кампании протеста против предоставления кредитов царскому правительству, рассматривая кредитование режима самодержавия как удар по делу революции²². В этом их интернационализм становился продолжением их американизма.

В Петербурге к Уоллингу присоединилась Струнски, вскоре вышедшая за него замуж. Она эмигрировала в США из России в 1893 г. и так же, как Уоллинг, стала активной сторонницей социализма, получив известность социального реформатора. Русская революция восхищала Анну, писавшую своему давнему другу Джеку Лондону из России: “Это мелодрама, фарс и трагедия, рай и ад, отчаяние и надежда... Это революция революций”²³. Уоллинг, Струнски и Дарланд покинули Россию в октябре 1907 г. после столкновения с русской полицией. Причем Уоллинг провел под арестом 24 часа и лишился материалов, собранных во время третьего путешествия.

Единомышленник Уоллинга Баллард с 1905 по 1907 г. исколесил Россию вдоль и поперек и черпал свое вдохновение в классовых конфликтах, которые должны были, по его мнению, привести к демократической кооперативной революции²⁴.

“Джентльмены-социалисты” стали свидетелями подъема и крушения либеральных надежд в Российской империи, зарождения “крестьянской революции”, вливавшейся в общую войну народа против царя и пленявшей их воображение своим размахом и неистовством. Безусловно, “русское революционное послание” было написано кровью. Но, как подчеркивал Уоллинг, 30-миллионная американская нация заплатила кровью 1 млн. своих сограждан, дабы дать свободу нескольким миллионам темнокожих. Так стоит ли удивляться жертвам, принесенным на алтарь освобождения 140 млн. русских²⁵. Наступление реакции не вызвало у “джентльменов-социалистов” разочарования в русской революции, у которой было все еще впереди. Просто закончился первый акт этой исторической драмы.

По сравнению с идеализированной и упрощенной оценкой событий, предложенной Пулем, представления Уоллинга, Балларда и Дарланда оказались более сложными, наполненными философским смыслом и подтекстами. Первый стремился поскорее вернуться “в безопасное место – в свой родной дом”, пережив будоражащее молодую кровь “русское приключение”²⁶, в котором искал вдохновения для своей работы реформатора, будучи сторонником интернационализации американского реформизма, а также начинающего писателя, вследствие чего его статьи и напоминали литературный нарратив, а не сообщения специального корреспондента. Последние три стремились постичь национальное и всемирное значение русской революции.

В ней, как подчеркивал Уоллинг, “джентльменов-социалистов” в отличие от либералов-универсалистов вдохновляла не возможность проведения политических реформ, а сочетание западного и незападного, “новый русский социализм”, т.е. именно то, что превращало ее в своеобразное “социальное послание человечеству”.

По мнению Уоллинга, России была не нужна политическая революция американского или западноевропейского образца, к чему призывали конституционные демократы во главе с Милюковым. Для политического обновления страны и установления в ней свободы было необходимо “движение масс народа за обновление русского общества”, очистительный социальный ураган, движущей силой которого станет крестьянство.

---

²² *Thompson A.W., Hart R.A.* Op. cit., p. 42; *Durland K.* The Red Reign: The True Story of an Adventurous Year in Russia. New York, 1907, p. 493; *Walling W.E.* An American View. – Free Russia, 1908, April-June, p. 4–6.

²³ А. Струнски – Дж. Лондону, 24 марта 1906 г. – Huntington Library, Anna Strunsky Walling Collection, Box 5.

²⁴ См., например, его статьи, опубликованные под псевдонимом Albert Edwards в: *International Socialistic Review*, 1907, v. 8, July-September, p. 20–32, 76–87, 155–176, 193–203.

²⁵ *Walling W.E.* Civil War in Russia. – *Independent*, 1907, v. 62, April, p. 778–779.

²⁶ *Poole E.* Op. cit., p. 168.

Именно этим Уоллинг объяснял особую роль “крестьянского вопроса” в русской революции. “Подобно предшествующим революциям и гражданским войнам во Франции, в Англии и в Соединенных Штатах она была нацелена на наделение всех граждан политическими правами, – писал Уоллинг. – Однако в отличие от вышеназванных национальных катаклизмов русская революция одновременно призывала и к наделению всех социальными правами, к установлению экономического равенства, к обеспечению права на владение таким земельным наделом, который человек в состоянии обработать, к передаче земли в собственность народа”. Беспрецедентность русской революции, с точки зрения Уоллинга, как раз и заключалась в том, что, провозглашая в качестве двух основных целей введение неограниченной демократии и равные права на владение землей, она наносила яростные удары по частной собственности как таковой и призывала к созданию социалистического государства²⁷. И эта ее сущностная характеристика наиболее полно проявлялась в революции крестьянской.

Баллард, в свою очередь, стал свидетелем вооруженного восстания в Москве и посвятил его описанию три статьи в “Харперс викли”, опубликовав их под псевдонимом “Альберт Эдвардс”. Он создавал образы не простолюдинов, опившихся водкой и свободой, а сознательных рабочих, вставших на баррикады во имя обновления России. Конечно, это восстание было преждевременным и его не поддержали в других частях Российской империи и даже в Петербурге, но подавить дух свободы и остановить революцию уже не удастся, резюмировал свои размышления Баллард, поскольку те, кто избежал расправы, понесли факел свободы в другие города²⁸. К сходному выводу приходил и Дарланд. Российская империя через год после провозглашения конституционного правления представляла под его пером страной, где свирепствовал правительственный террор. Однако американец не сомневался в том, что дух революции жив, так как революционные принципы распространились среди народных масс, пополнивших ряды врагов правительства²⁹.

Наряду с социально-экономическим вопросом особое внимание “джентльменов-социалистов” в русской революции привлекал “польский вопрос”. Уоллинг совершил поездку в Польшу осенью 1905 г. и посетил Варшаву, Краков, Лодзь, где встречался с евреями и католиками, радикалами, либералами и консерваторами, написав затем три статьи по “польскому вопросу”. Восстание в Польше не могло не вдохновлять сторонника социальной революции. Оно, по мнению Уоллинга, стало реальностью тогда, когда в 1904 г. тысячи рабочих маршировали по улицам Варшавы, выражая свои надежды на победу Японии и поражение царя. И с тех пор все элементы общества поддерживали польскую революцию по национальным, религиозным, социальным мотивам, что являлось отличительной чертой ситуации в Польше, где развернулась кровавая война “народа против правительства”, вдохновляемая жаждой свободы и жаждой мести. По мнению Уоллинга, восстание в Польше – “это не безумный мятеж самых невежественных и жалких представителей рабочего класса. Это не изолированное сопротивление толпы, не знающей ничего, кроме политических убийств и баррикад, не заговор террористов, доверяющих только револьверу и бомбе. Это революция, но революция неистовая. И в нее втянуты чуть ли не все слои населения, люди, придерживающиеся самых различных политических убеждений”³⁰.

В свою очередь Дарланд, дважды посетивший Польшу в 1906 г., писал о том, как “поляки намертво впились в сердце русского деспотизма”, и этот режим террора,

²⁷ Walling W.E. The Peasant Gives His Orders. – Independent, 1906, October, v. 61, p. 907–908.

²⁸ Edwards A. An Eye-witness's Story of the Russian Revolution. – Harper's Weekly, 1906, v. 50, February, p. 228–230, 258–261; March, p. 294–296.

²⁹ Durland K. The Kronstadt Fiasco. – Independent, 1906, v. 61, October, p. 864–867; *idem*. Terrorism in Russia. A Weapon, Also, of the Government. – The New York Evening Post, 10.XI.1906.

³⁰ Walling W.E. Revolution in Poland. – Independent, 1905, v. 59, November, p. 1040–1042; Мэллой-мл. Дж. Указ. соч., с. 56.

направленный против полиции, и этот всеобщий протест, в котором принимают участие даже школьники, требующие преподавания на родном языке, и эта готовность молодых поляков оставаться на Родине, дабы отдать жизнь за свободу Польши, вместо того, чтобы подобно финнам и евреям эмигрировать в США, свидетельствует о бунте поляков – всеобщем, беспощадном и имеющем глубокий смысл³¹.

В 1907 г. Уоллинг суммировал доводы “джентльменов-социалистов”, выступив с развернутой критикой против тех, кто в США испытывал разочарование по поводу итогов революции и потерял к ней интерес. Он отметал обвинения в разобщенности русского народа и призывал своих сограждан к организации общенационального протеста против методов самодержавия, ссылаясь на эффект кампании Дж. Кеннана по разоблачению карательной политики царского правительства, подпитывая мессианские настроения американцев и способствуя интернационализации американского реформизма³².

Что же касается участников радикального дискурса, окончательно заданного текстом о русской революции, то они активизировали свои действия по мере ее радикализации. Борьба, развернувшаяся в России, как заявлялось на митингах, требовала не только моральной поддержки, но также пороха, пуль и ружей³³. Калифорнийскому Обществу друзей русской свободы благодаря усилиям Джека Лондона и ведущего теоретика Социалистической партии Америки М. Хилквита удалось собрать 5 тыс. долл. на нужды революции. По мнению Джека Лондона, она превращалась в пролог всеобщего освобождения пролетариата. Отрицая сходство русской революции с американской и французской, он писал: “Эта революция не похожа на все другие революции во многих отношениях. Она не возникла вдруг... У нее есть своя история, свои традиции и своя книга о мучениках... Она побеждает расовые предрассудки и оказывается могущественней, чем Четвертое июля с его распростертым орлом – эмблемой шовинистического патриотизма наших предков”³⁴. В 1908 г. вышел роман Джека Лондона “Железная пята”, написанный с августа по декабрь 1906 г. и родившийся из впечатлений о Первой русской революции. Ее дыхание чувствуется в построении сюжетной канвы второй части книги, в которой рассказывается о том, как “железная пята” в результате поражения рабочего класса в революции устанавливает власть террора, уничтожая демократические завоевания и отодвигая победу принципов социальной справедливости в далекое будущее.

Подобно Джеку Лондону русские эмигранты радикальных взглядов И. Гурвич, В.Г. Симхович, А. Каган делали ставку в революции на рабочий класс, на распространение марксистской идеологии в период индустриализации, выражая определенный скептицизм марксистского толка в оценке роли невежественного крестьянства и в этом расходясь с “джентльменами-социалистами”³⁵.

Во время митингов и маршей, прошедших 22 января 1906 г. в Милуоки, Цинциннати, Детройте, Филадельфии, Питсбурге, Сент-Луисе, Сан-Франциско, участники красноречиво и громко выражали поддержку социалистическому движению в России³⁶, что не добавляло позитивного отношения ни к русской революции вообще, ни к американским социалистам в частности, поскольку последние воспринимались в Соединенных Штатах как идеологические “чужие”.

³¹ Durland K. Red Reign, p. 271–272, 276, 278, 285.

³² Walling W.E. How is It with the Russian Revolution. – Outlook, 1907, v. 85, March, p. 564–567.

³³ The International Socialist Review, 1906, v. 6, p. 372.

³⁴ Лондон Дж. Революция. – Революция. Л., 1924, с. 8–9.

³⁵ См. статьи И. Гурвича: World’s Work, 1906, v. 12, October, p. 8105, 8110; 1906, v. 13, March, p. 8681–8682, 8685; December, p. 8327–8332; Atlantic Monthly, 1907, July, p. 116, 120–122; В.Г. Симховича: Political Science Quarterly, 1906, v. 21, December, p. 570–571, 595; А. Кагана: World’s Work, 1905, April, p. 6025–6032.

³⁶ Thompson A.W., Hart R.A. Op. cit., p. 85–87.

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ

После роспуска думы первого созыва в июле 1906 г. в американском обществе окончательно возобладал консервативно-пессимистический подход в оценке революции 1905 г., наиболее ярко выраженный послом США в Петербурге и близким другом Т. Рузвельта Дж. фон Лангерке Мейером, который полагал, что Россия затеяла великий эксперимент, будучи плохо к нему подготовленной и абсолютно необразованной³⁷, а также самого президента США, усматривавшего причины бесплодности революции в том, что среди ее лидеров преобладали “глупые визионеры-толстовцы”, а двигали ее люди “горьковского типа”³⁸. Одним словом, русским, перешедшим предел допустимого в революции, следовало поучиться у американских прогрессистов конструктивным методам реформирования общества, ориентированным на его постепенное обновление, а не на разрушение.

В отличие от приверженцев консервативно-пессимистического дискурса с характерным для него оправданием действий правительства по установлению порядка в условиях террористических актов и анархии, от русофилов консервативного и либерального толка (первые, как, например, И. Хэпгуд, рассуждали о целесообразности контроля и руководства со стороны института монархии, поскольку необразованный русский народ был склонен впадать в состояние анархии и безрассудства, вторые, как, например, С. Харпер, причудливо совмещали русофильство с верой в “Россию Милюкова”³⁹), от либералов-универсалистов, формировавших идейное кредо движения “друзей русской свободы” и, подобно Дж. Кеннану, видевших главный итог революции в развитии основ парламентаризма, а ее основной недостаток в отсутствии компетентных лидеров⁴⁰, “джентльмены-социалисты” вдохновлялись социальной составляющей русской революции, делая ставку на крестьянство как на носителя демократии.

По их мнению, путь к социализму лежал не через индустриальный капитализм, как подчеркивали марксисты, а через крестьянскую революцию. “Джентльмены-социалисты” разделяли мнение либералов-универсалистов по поводу того, что негативные черты национального характера русского народа являлись результатом деспотического режима, и верили в его способность к демократии. Однако усматривали значение русской революции в уникальном социальном послании, адресованном всему человечеству, а не в движении по пути создания “Соединенных Штатов России”. Таким образом, как верно заметил американский исследователь Д.С. Фоглесонг, “джентльмены-социалисты” отвергали морализаторство, свойственное тем американцам, которые мечтали о переустройстве других стран по своему образу и подобию⁴¹.

Кроме десятка статей для ведущих американских журналов Уоллинг, Дарланд и Баллард написали отдельные книги, посвященные Первой русской революции, хотя работа Балларда так и осталась в рукописи⁴². Эти тексты свидетельствуют о той роли, которую русский “другой” начал играть в выстраивании левых идеологий в США. И в данном случае революционная Россия выступала не в роли ученика Запада, как у либералов-универсалистов, а использовалась в качестве своеобразной референтной модели.

---

³⁷ *Howe M.A., DeWolfe.* George von Langerke Meyer. His Life and Public Services. New York, 1920, p. 232, 286–287, 306–307.

³⁸ The Letters of Theodore Roosevelt, in 7 v. Cambridge, 1952–1954, v. 5, p. 179; v. 6, p. 1372.

³⁹ *Harper S.N.* The Russia I Believe In. The Memoirs of Samuel N. Harper. 1902–1941. Chicago, 1945, p. 37–39, 46–50, 53.

⁴⁰ *Kennan G.* Russia after the War: the Chances of Revolution. – Outlook, 1915, v. 109, April, p. 977–979.

⁴¹ *Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge University Press, 2007, p. 38–39.

⁴² *Walling W.E.* Russia’s Message. The True World Import of the Revolution. New York, 1908; *Bullard A.* Russia’s Revolution: 1905–1906. – Princeton University, Mudd Library, Arthur Bullard Papers, Box 5; *Durland K.* The Red Reign. Автор выражает глубокую признательность Д. Фоглесонгу за предоставленную копию рукописи книги Балларда.

В отличие от большинства американских наблюдателей русская революция привлекала “джентльменов-социалистов” именно своей незападностью, тем, что она, по мнению Уоллинга и Балларда, была одновременно и революцией, и реформацией, и ренессансом. Революцией, ибо борьба русского народа против самодержавия приводила к радикальным изменениям политических и социальных отношений. Ренессансом, потому что выкристаллизовывались новые формы литературы и искусства, реформацией, поскольку частью революционного послания становилось изменение религиозных отношений, новая вера – толстовский вариант “христианского социализма” с его ориентацией на духовное возрождение и борьбу за души людей⁴³.

С точки зрения “джентльменов-социалистов”, по своей масштабности и степени влияния русская революция может быть отчасти сравнима лишь с французской. Но демократия умерла во Франции вследствие централизации власти в ходе войны с Европой. Русские же пошли дальше французов в своем стремлении реализовать программу социальной демократии. В этом смысле их настоящим идейным предтечей можно считать Ж.-Ж. Руссо, снимавшего противоречие между индивидуумом и обществом. Ведь Руссо, будучи законченным демократом, апеллировал не к конституции (излюбленный прием большинства американцев), а к праву народа на сопротивление и к его прямому участию в управлении. По мнению Уоллинга и Балларда, в России был свой Руссо – Лев Толстой с его критикой капиталистической собственности как худшего из зол современного общества. Причем значение послания России человечеству состоит в том, что оно основано на сведении к общему знаменателю наиболее ценного в теориях Льва Толстого, Генри Джорджа и Карла Маркса, нацелено на объединение города и деревни, на решение как рабочего, так и крестьянского вопросов. Оно по сути своей демократическое⁴⁴.

Вот почему Первая русская революция приобрела всемирный характер, выработав новую религию и новую культуру, став восходом новой цивилизации. “Нации как индивидуумы, – писал Баллард, – могут становиться лучше и сильнее, пережив трагический опыт. Именно это и происходит в России. Она проходит испытание огнем страданий. И из крови, разрушения и смерти рождается новая правда, подобная крупнице чистого золота”⁴⁵. Уоллинг развивал мысли Балларда: “Русская революция дала миру больше, чем социальную программу. Новые русские идеи призваны революционизировать саму основу современного мышления не только в отношении общества, но и в отношении всей жизни; они призваны революционизировать разум и чувства каждого индивидуума; они вступают в противоречие с современной религией... с теорией эволюции... Все русские без исключения, и даже консерваторы, согласны в том, что великое движение, охватившее нацию, направлено не только на изменение основного закона страны, но и всех институтов, всех отношений, всей жизни, всего порядка вещей”. И резюмировал: “Послание России – это не слова какого-то конкретного человека, не принципы какой-то конкретной партии, а каждодневные мысли, чувства и действия народа, готового умереть за собственные помыслы и убеждения”⁴⁶.

В своей “крестьянской ориентации” “джентльмены-социалисты” расходились с другими американскими радикалами. И эта ставка на крестьянство, которому предстояло вписать наиболее важные строки в революционное послание России человечеству, привела Уоллинга, Балларда и Дарланда к рассуждениям об особенностях национального характера и русской цивилизации в целом.

Они, подобно Дж. Кеннану и У. Фульку или, скажем, активному участнику “движения друзей русской свободы” Э. Ноблю, разделяли веру в способность русского народа

⁴³ *Durland K.* The Red Reign, p. XVII–XXII, 494; *Walling E.* Russia’s Message, p. 408–412, 426; *Bullard A.* Russia’s Revolution, ch. 7, p. 8; ch. 9, p. 6–7; ch. 10, p. 2–5.

⁴⁴ *Walling W.E.* Russia’s Message, p. 428–438; *Bullard A.* Russia’s Revolution, ch. 8, p. 1–5.

⁴⁵ *Bullard A.* Russia’s Revolution, ch. 7, p. 2–4, 7.

⁴⁶ *Walling W.E.* Russia’s Message, p. 438, 452. Те же мысли см.: *Bullard A.* Russia’s Revolution, ch. 9, p. 1; ch. 10, p. 8–9.

к самоуправлению и в присущий ему демократический дух. Но выстраивали свою аргументацию с учетом социалистического кредо.

Баллард апеллировал к тому времени, когда русские, позже оказавшиеся в состоянии рабства, были независимыми фермерами, имевшими демократические институты и на практике воплощавшими многое из того, за что в настоящее время ратуют социалисты. Его вдохновляли многочисленные восстания крепостных как свидетельство духа непокорности, а также деятельность крестьянских артелей, представлявших образец кооперативного, демократического производства. Его не покидала уверенность в том, что, несмотря на тиранию государства и фанатизм церкви, в сознании крестьян прочно объединились идеалы демократии и социализма. Ведь не случайно русские крестьяне любят повторять: “Бог – высоко, а царь – далеко”, не будучи столь лояльными и религиозными, каковыми их любят представлять на Западе⁴⁷.

На корректировку устоявшихся представлений о русском крестьянине были направлены усилия всех “джентльменов-социалистов”. И если Пуль особо подчеркивал роль русско-японской войны в разрушении веры крестьян в царя и Бога, то Уоллинг, Баллард и Дарланд были уверены в том, что крестьяне за исключением сектантов и староверов вообще достаточно индифферентны в вопросах веры и являются носителями духа демократии и республиканизма. Поэтому вера в царя и Бога так быстро сменилась требованиями земли и свободы⁴⁸. Под пером Уоллинга возникал наиболее романтический образ русского крестьянина – “наделенного общинными инстинктами” демократа и освободителя России, в роли защитников интересов которого выступали социалисты-революционеры⁴⁹.

Так “джентльмены-социалисты” разрушали представления о невежественном, ленивом, пассивном, фанатично верующем и вечно пьяном русском крестьянине. Они, в отличие от большинства американских наблюдателей, поддерживали проведение радикальной аграрной реформы, за которую в думе ратовали трудовики, поскольку в перспективе эта реформа должна была привести к решению крестьянского вопроса, столь значимого для аграрной России, а следовательно, к расширению социальной демократии.

Крестьяне, подчеркивал Баллард, ссылаясь на мнение Толстого, не испытывают уважения к частной собственности и мечтают о социализации земли. Если же рабочие зададутся целью национализировать промышленность, то им будет обеспечена поддержка демократических по своему духу крестьян. “И эта великая вера в демократию, – рассуждал Баллард, – столь смело выраженная Руссо, столь категорично воспроизведенная Толстым и столь глубоко укоренившаяся в сердце русского народа, – важнейшая составляющая русского послания социалистам Запада”⁵⁰.

И хотя “джентльмены-социалисты” приветствовали деятельность думы как важный этап в процессе политического возмужания народа и свидетельство того, что он готов к самоуправлению, в думе их привлекала прежде всего фигура лидера фракции трудовиков А.Ф. Аладьина как нового для России типа политического деятеля – человека из зажиточной крестьянской семьи, простого, честного и очень цельного, готового идти до конца в своих требованиях аграрной реформы, всеобщей амнистии и отмены смертной казни, в выполнении наказов избирателей⁵¹.

---

⁴⁷ Bullard A. Russia's Revolution, ch. 1, p. 1, 2, 5, 7, 8.

⁴⁸ [Poole E]. The Peasant and the War. – Outlook, 1905, v. 80, May, p. 219–227; Walling W.E. The Real Russian People at Church. – Independent, 1907, v. 63, July, p. 26–32; Durland K. Red Reign, p. 287–288, 291, 298, 305–306.

⁴⁹ Walling W.E. Russia's Message, p. 163, 260, 312–321, 327–330, 369–370; *idem*. Socialism and Liberty. – William English Walling. A Symposium, p. 99–100.

⁵⁰ Bullard A. Russia's Revolution, ch. 8, p. 7.

⁵¹ Walling W.E. Russia's Message, p. 435; [Walling W.E.] The Last Days of the Duma. – Independent, 1906, August, v. 61, p. 385–386; Durland K. The Red Reign, p. 201, 205–206, 311; Durland K. Aladyin, Russia's First “Walking Delegate”. – Review of Reviews, 1906, v. 34, August, p. 168–171.

При всех сходствах в оценках природы и значения Первой русской революции и роли крестьянства в ней книги Уоллинга, Балларда и Дарланда имели свои сюжетные и тематические особенности. Соглашусь с мнением Фоглесонга о том, что объемное и эмоциональное “Послание России” Уоллинга, будучи жестким и действующим на воображение американского читателя обвинительным актом политическому режиму Российской империи и лично русскому царю, было, безусловно, вдохновлено обличительной книгой Кеннана “Сибирь и ссылка”⁵².

Уоллинг ярко описал Российскую империю как своеобразную тюрьму для русского народа, где деморализующее рабство белых не знало границ и где веками помещики варварски издевались над крестьянами. Он характеризовал абсолютизм как “угрозу цивилизации... свободы и прогресса человечества”, обвинял царя, который был не хуже и не лучше своих предшественников, но заслуживал порицания как кровавый тиран в силу того, что воплощал дух самодержавной власти. Уоллинг критиковал правительство, которое два года, используя варварские методы, вело войну против собственного народа. Из всего этого, а также из рассуждений о реакции, апеллировавшей к образу внутреннего расового и религиозного врага (евреев, становившихся жертвами жестоких погромов, инспирированных лично царем и полицией, а также поляков, прибалтийских народов, армян, грузин и татар)⁵³, возникало оправдание русской революции как политического и социального восстановления народа против царя как бунта всеобщего, беспощадного, но не бессмысленного⁵⁴.

Баллард, в отличие от Кеннана, представившего собирательный и нивелированный образ русского революционера-либерала, рисовал образ социалиста-революционера, верившего в Россию, непохожую на все остальные страны, и противопоставлял русских либералов и радикалов, эгоизм и индивидуализм среднего класса, с одной стороны, и революционность, коренящуюся в социальных переживаниях масс простого народа – с другой. И эта дихотомия углублялась за счет оппозиции социалист-революционер – социал-демократ. Вот почему он видел отцов-основателей русской революции в народниках, сравнивая их с миссионерами⁵⁵.

В свою очередь Дарланд, создавший галерею образов рядовых участников великой исторической драмы, корректировал представления о русских террористах, став первым человеком, который был допущен в камеру, где в полной изоляции ожидала своего приговора 21-летняя эсерка М.А. Спиридонова. 16 января 1906 г. на вокзале Борисоглебска она смертельно ранила жандармского полковника и советника тамбовского губернатора Г.Н. Луженовского, известного жестоким усмирением крестьян⁵⁶. Для американцев, подчеркивал Дарланд, терроризм ассоциируется с анархией, с погромом на площади Хеймаркет в Чикаго или фанатизмом Л. Чолгоша, убийцы президента Маккинли. В России же, где отсутствует правовое государство, терроризм есть способ наказать виновных представителей власти за их незаконные действия. И до тех пор, пока не прекратится военный и полицейский произвол, пока власти будут практиковать резню беззащитных людей, терроризм останется главным средством борьбы за свободу, будучи ответом на войну, которую правительство развязало против собственного народа, на противительственный террор как на самое безобразное явление новейшего времени⁵⁷.

Уоллинг и Баллард стремились подчеркнуть значение революционного послания русского народа для народа американского. Их интересовало не только то, что американцы “могут сделать для России”, но и то, что “Россия может предложить” им. Причем последнее, пожалуй, в первую очередь. Конечно, не в смысле прямого образца для подражания (ведь своеобразие русской революции было связано со спецификой условий

⁵² *Foglesong D.S.* Op. cit., p. 39.

⁵³ *Walling W.E.* Russia's Message, p. 37, 40–59, 62, 197–198, 373–377, 382–391.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 169, 201, 216–226, 262–263, 271, 349–353, 393–401, 410–412.

⁵⁵ *Bullard A.* Russia's Revolution, ch. 2, p. 5–7, 10–11; ch. 3, p. 4–5, 7.

⁵⁶ *Durland K.* The Red Reign, p. 155–174, 341.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 388–389, 391, 484.

развития России, с ее нахождением между прошлым и будущим), а в смысле модели, призванной обратить внимание на необходимость оживить демократическую составляющую американского реформизма.

“Джентльмены-социалисты” использовали русского “другого” для пробуждения интереса к американскому “своему”, к социализму как идеологии и политическому движению в самих Соединенных Штатах, а не столько для формирования еще одной версии американизации Российской империи, как считает Фоглесонг, тем более что он вступает в противоречие с его собственным более ранним заявлением⁵⁸.

Да, в статьях “джентльменов-социалистов” мы встречаем проведение параллелей с американской действительностью, будь то сравнение воскресных школ в России и вечерних в США или формулировку целей борьбы прибалтов в политических терминах, знакомых американцам. Да, как и все участники движения за создание свободной России, они искали подтверждения демократической природы крестьянства в древнерусских республиках и общине. И, конечно же, “джентльмены-социалисты” не теряли из виду того, насколько их описание борьбы за дело русской свободы стимулирует моральную и материальную поддержку со стороны США.

Но, во-первых, любой иностранный наблюдатель оценивает реалии развития другой страны через проведения параллелей с собственной, тем более если это журналист, желающий быть понятым читающей аудиторией у себя на родине. Во-вторых, “джентльмены-социалисты” в отличие от того же Кеннана не переживали сомнений в способности “русского темного люда” к демократии, в сохранении “духа социализма” в крестьянской среде, не верили в глубокую религиозность и столь же глубокую лояльность крестьян, характер которых, по мнению Уоллинга, еще до конца не выкристаллизовался⁵⁹. В-третьих, как подчеркивал Баллард, русское послание имело особую ценность для Запада в силу его апелляции к духу всеобщей демократии, потерянной западным социализмом вследствие его превращения в реформизм, в государственный социализм среднего класса⁶⁰.

Из всех современных революционных движений, подводил итог своим размышлениям Уоллинг, русская революция была единственным всенародным движением за социальную демократию, за создание общества справедливости. Если американцы продемонстрировали потрясающую воображение способность к прогрессу экономическому, русские сумели совершить революцию, пусть еще не обретшую окончательные институциональные формы, но столь же быструю, восхитительную и феноменальную, как экономическая революция в США⁶¹.

Фоглесонг ищет подтверждение своего тезиса в рассуждениях “джентльменов-социалистов” о том, что, несмотря на непригодность для России американской капиталистической модели, она должна была пережить своеобразную американизацию, пройдя путем протестантов на Западе⁶². Таким образом, он обращает внимание на религиозную составляющую позиционирования образа России в США в долгосрочной перспективе. Но при этом необходимо также не упускать из виду и другое. Уоллинг, Баллард и Дарланд, жестко критикуя диктат православной церкви и выступая за рационализацию веры и свободу совести, а также подобно Кеннану и другим “друзьям русской свободы” в США рассказывая о революционерах как о мучениках и рассматривая реформацию в качестве обязательного элемента возрождения России, видели ее суть в формировании новой веры в духе Льва Толстого. А религиозно-этическое и философское учение последнего воспринималось в США как порождение чисто русских условий.

Работы “джентльменов-социалистов” не были результатом академического изучения России. Они стали плодом их журналистской деятельности и их путешествий

⁵⁸ *Foglesong D.S. Op. cit.*, p. 38, 40–41.

⁵⁹ *Walling W.E. Russia's Message*, p. 152.

⁶⁰ *Bullard A. Russia's Revolution*, ch. 8, p. 7–8.

⁶¹ *Walling W.E. Russia's Message*, p. 414–415, 417–420, 422, 435.

⁶² *Foglesong D.S. Op. cit.*, p. 41–43.

по охваченной революцией Российской империи. Будучи американцами, они вписывали русский материал в ту систему восприятия, которая формировалась их собственной культурой и “повесткой дня” американского общества. Поэтому их тексты и насыщены параллелями между США и Россией. Вопрос состоит в том, в какой контекст они вписывались и для подтверждения каких выводов использовались.

Как представляется, рассуждения о борьбе за свободу в России, о ее символах и смыслах, о сути и значении русского революционного послания становились импульсом для осмысления социалистического “своего”. Не случайно книга Уоллинга вызвала восторги социалистов, в то время как сенатор А. Беверидж с интересом прочитавший ее, похвалил знание молодым реформатором предмета, но заметил, что “он пишет с позиции русских ультрареволюционеров”⁶³.

После окончания революции 1905–1907 гг. “джентльмены-социалисты” временно забыли о своем интересе к “делу русской свободы”, переключившись на вопросы реформирования американского общества⁶⁴. Как подчеркивал Уоллинг, должны будут пройти годы, прежде чем русские дойдут до финальной сцены своей революции. Однако вот ведь парадокс, примкнув в 1910 г. к Социалистической партии США, он стал терять веру в крестьянство как главный двигатель революции, а став свидетелем Социалистической революции 1917 г., вновь вернулся к первоначальной вере в прогрессивную индустриальную демократию, отказавшись от того варианта социализма, к которому его обратила Первая русская революция.

Баллард возобновил свою “русскую карьеру” в 1917 г., когда стал директором филиала Комитета по общественной информации США в России. Он продолжал находиться на этом посту во Владивостоке до 1919 г., а в 1929 г. несколько месяцев возглавлял русское отделение Государственного департамента.

Что же касается Пуля, то простившись с социалистическими взглядами своей молодости, он занялся литературной деятельностью и в итоге отказался от нивелированного романтического образа русской революции в пользу не менее мифологизированных представлений о неизменности национального характера русских и загадочной “славянской душе”, той самой, о которой он рассуждал, оказавшись в Москве в 1940 г.

---

⁶³ А. Беверидж – У. Иглишу, 29 июня 1908 г. – Huntington Library, Anna Strunsky Walling Collection, Box 5; Russia’s Message. – Outlook, 1908, v. 89, August, p. 765. Подробнее анализ отзывает на книгу Уоллинга см.: *Мэллой-мл. Дж.* Указ. соч., с. 59; *Engerman D.C.* Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge – London, 2003, p. 78; *Foglesong D.S.* Op. cit., p. 246, note 31.

⁶⁴ Дарланд, сломленный финансовыми и семейными проблемами, в 1911 г. покончил жизнь самоубийством.